

ЭТНОГРАФИЯ

М.Ш. Ризаханова

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЛЕЗГИН

Истоки устного народного творчества лезгин уходят в глубь веков. Фольклорные произведения передавались из поколения в поколение, пронизывая весь бытовой уклад, и поэтому прочно закрепились в памяти народа. Интерес к ним не ослабевает и в наши дни.

Фольклор лезгин в наше время аккумулирует в себе сплав древних и современных традиций, который сложился в многогранную систему, состоящую из различных жанров: мифологии, эпоса, легенд и преданий, сказок, пословиц, поговорок, загадок, обрядовой поэзии, исторических песен.

подавляющее большинство фольклорных произведений собрано, проанализировано и систематизировано исследователями разных исторических периодов. Первые образцы лезгинского фольклора записаны еще в XIX в. выдающимся кавказоведом П.К. Усларом, изучавшим языки народов Дагестана. О фольклоре горцев он писал: «Сказки, песни, поговорки, живущие в устах народных, составляют единственный, вполне надежный источник к изучению языка. Собираение всего, изустно живущего в народе, должно составлять первый письменный памятник после создания азбуки» (*Услар П.К.*, 1981. С. XXX). В разделе «Кюринский язык» ученый привел образцы лезгинской народной прозы, анекдоты, пословицы и поговорки на языке оригинала в сопровождении русского перевода (*Услар П.К.*, С. 16).

Лезгинские сказки, собранные Б.Султановым, впервые переведены на русский язык и напечатаны под заглавием «Кюринские тексты». В 1912 г. вышел в свет сборник переводов сказок, песен и легенд, в который вошли и образцы лезгинского фольклора (*Султанов Б.*, 1982. С. 153–193).

Глубокий след в филологической науке оставил Г.А. Гаджибеков, который посвятил почти всю свою жизнь созданию новой письменности для лезгин и табасаранцев, развитию их культуры, собиранию и систематизации фольклорных произведений (*Гаджибеков Г.А.*, 1934; 1935; 1937).

Большой вклад в исследование устного народного творчества горцев, в том числе лезгин, внес известный собиратель дагестанского фольклора А.Ф. Назаревич (*Назаревич А.Ф.*, 1958; 1962; 1975). Им приводятся 127 народных сказок, до 37 тысяч записей песенной лирики, до 3 тысяч пословиц, поговорок, загадок, записанных у мастеров горского народного творчества (*Назаревич А.Ф.*, 1949).

Значительный вклад в изучение лезгинского фольклора внесен рядом других дагестанских ученых – А. Агаевым, И. Вагабовым, Г. Гашаровым, А. Ганиевой, Ф.Вагабовой и др. (*Агаев А.*, 1969; *Вагабов И.*, 1961; *Гашаров Г.*, 1976; *Ганиева А.*, 1984, 2004; *Вагабова Ф.*, 1970).

Традиционная культура прошлого – это великое национальное наследие, эстетическую ценность которого знают и понимают в народе и в наши дни. Фольклорное наследие лезгин в наше время так же свежо в памяти народа, заключенная

в них народная мудрость и остроумие, назидание и юмор так же устойчивы, как и в прошлом. Характеризуя эту универсальную для всех народов закономерность, Р. Вейман пишет: «Фольклорное наследие прошлого – это не архаическая неподвижность, а действенная духовная реальность: оно хранится не в архиве, а в жизни народа; оно не просто передается и перенимается из поколения в поколение, а становится достоянием всего общества, возвышаясь до уровня функции общественной жизни» (Цит. по: *Гамзатов Г.Г.*, 1982. С. 77).

Однако следует отметить, что процесс функционирования фольклора, как и других форм духовной культуры (верований, обрядов, художественных ремесел и др.), имеет свои особенности и этапы, обусловленные изменениями в социально-экономической и политической сферах общества. Так, до первой четверти XX в. традиционные формы фольклора лезгин функционируют среди народа почти в неизменном виде. С 30-х годов XX в. с массовой ликвидацией неграмотности, развитием народного образования и системы массовой коммуникации (пресса, радио, кино, телевидения и др.), и особенно ростом коммунистической идеологии, происходит постепенное сужение функций традиционных форм духовной культуры. Фольклорная традиции, не уйдя целиком из народного быта, стала практически восприниматься в известной мере символически, все больше уступая место профессиональной поэзии, в которой воспевались новый социалистический строй, коммунистические идеалы, революция и ее вожди. С 90-х годов XX в. с изменениями в политической и идеологической областях общества, ростом национального самосознания у лезгин, как и у других народов страны, динамично возрастает интерес к традиционным формам духовной культуры, в том числе традиционному фольклору. Эстетическое осмысление традиций сочетается с их этнической оценкой, со стремлением использовать их для создания национального колорита, подчеркивания ценности духовного наследия прошлого.

Процессы возрождения элементов духовной культуры, в том числе фольклора, получают особенно значительное развитие в последние годы. Это проявляется в активизации традиционных обрядов и обычаев и сопровождающих их элементов фольклора, в театрализованных представлениях, в частности, посвященных герою лезгинского эпоса – Шарвили, ежегодно проводимых в селении Ахты РД; в сфере публикаторской – это издание и переиздание в центральных и местных издательствах сборников фольклорных произведений в оригинале и в переводе на русский язык; в области музыкальной культуры – это переложение произведений устного народного творчества на музыку современных композиторов, включение элементов фольклорных жанров в систему современной профессиональной литературы и искусства.

Прежде чем перейти к устному народному творчеству лезгин на современном этапе, следует отметить, что оно, хотя и сохраняет традиционный репертуар, сюжет, образы и стиль, в современной интерпретации часто вбирает в себя элементы реальных бытовых деталей, местных природных условий, новых социальных реалий, этических и эстетических норм.

Среди произведений устного народного творчества лезгин и в наше время особое место занимает героический эпос. Как известно, лезгинам, как и другим народам Кавказа и Дагестана, пришлось отражать многочисленные нашествия иноземных захватчиков – хазаров, гуннов, татаро-монголов, персов, арабов и др. Естественно, что среди народа, веками отстаивавшего свою свободу и независимость, сложились образы мужественных защитников Родины.

Хранителями преданий, сказок и песен о них являются в основном представители старшего поколения лезгин; многие из них собраны, систематизированы и изданы в центральных и местных издательствах, включены и в учебные программы для школьников и студентов высших и среднеспециальных учебных заведений.

Одним из лучших эпических героев лезгин и в наши дни остается богатырь Шарвили, образ которого бытует в нескольких жанрах: в сказках, песнях, легендах и песнях-плачах. Тот факт, что они дошли до наших дней, что среди народа с каждым годом все больше растет интерес к образу Шарвили, является свидетельством того, что герои не умирают, их имена и память о них народ бережно хранит и передает из поколения в поколение.

Тарихда тІвар – ван аваз
Рекъидач вун амукъда
Залумрихъ гуж галугъда
Чан Шарвили дидедин

В истории твое имя
Не умрет, ты останешься.
Это будет ударом для врагов –
Душа матери, Шарвили.
(Ганиева А.М., 1986.С. 149–150)

К эпическому жанру близка песня «Къванцин гада» («Каменный юноша»), в которой повествуется о том, как многочисленные войска Тимура пришли на земли лезгин с целью их покорения. По пути они встретили мальчика – пастуха. Тимур приказал ему указать путь к роднику. Но ни угрозы, ни пытки не заставили юношу изменить родной земле. Тогда Тимур приказал ослепить и убить его, но юноша превратился в камень:

Вун душман я, маса гаф
За ваз чир хъухъ, лугъудач,
Цихъ къейитІан куън вири
Булахдал рехъ къалурдач.

Ты – враг, больше ничего.
Знай, я не скажу тебе,
Хоть все войско твое погибнет
От жажды,
Дорогу к роднику не покажу.

Фад, фад твах ам, ахъаймир
А ахмакъдин гъилерни,
Гапур суха, буъркъуь хъуй
Адан чІулав вилерни.

Скорее ведите его, не выпускайте
Руки этого глупца,
Проткни кинжалом, ослепи
Его черные глаза.

Хъана гада татабар,
Къарагънамаз чилелай
Тек къуд стІал михъи нахъв
Алахъна къве вилелай!

Покачнулся юноша,

Къил тик къуна легъзеда,
Гур ванцелди лагъана:
«Дар югъ хъанач, эй Ватан
Уьмуьрда им тахъана»

Душманд вилик и дагълар
Мадни гзаф къакъан хъуй!
Рекъидалди душманди,
Закай зурба са къван хъуй!

Гъа икI жегъил игитди
Зиреквилел чан гана
Дагъдин хурал адакай
Гзаф зурба къван хъана...

Поднявшись с земли,
Лишь четыре прозрачные слезинки
Покатались из глаз!

Высоко подняв голову,
Громким голосом сказал:
«Не самый несчастливый день, о Родина!
В нашей жизни».

Перед врагом эти горы
Пусть будут еще выше!
Чем умереть от руки врага,
Пусть превращусь я в могучий камень!

Вот так молодой герой
Мужественно отдал жизнь.
На груди горы из него
Вырос могучий камень...
(Къагъриманвилиин манияр, 1973. С. 25–29).

Мужественные герои – борцы за свободу своего народа воспеваются и в эпических песнях «Бахтавар» («Счастливый»), «Ашукъдин къуват» («Сила ашуга»), «Лукъман» и др. (Къагъриманвилиин манияр, 1973. С. 30–62).

Мотивы героики, героической борьбы лезгинского народа против иноземных захватчиков отражены в особом виде песен-бендер.

Так, гневом и ненавистью полны народные песни о нашествии Надир-шаха:

Деред сиве карван-сарай
Цай аватна кана, эллер
Ирандикъай атай гавур
Пекъи я ви кицIин вилер

Перед ущельем караван сарай
Сожжен огнем, о люди!
Пришедший с Ирана неверный,
Бешенны твои собачьи глаза.

Серкер, аман, гъарай хъуй ваз!
Рехъ гумир, девлер атана
Къабанарин суьруь чIехи
Къаралмиш къеркъер атана

О, предводитель, кричу тебе:
 Не давай дороги – девы пришли,
 Огромные кабаньи своры,
 Закованные в латы, пришли.
 (Лезги халкъдин манияр, 1990. С. 71).

Полны горечи песни о Шамиле, о колонизации царскими войсками горных районов:

Атана, атана
 Шамиль атана
 Шамилан къушун
 Темил атана

Пришел, пришел,
 Шамиль пришел.
 Увы, мало Шамя
 Войско пришло.

Шамиль гьатай гьазаватда
 Я чан гана кьейи гада
 За зи хиял нел вигьин гил
 Чан аслан хьиз кьейи гада

В Шамя священной войне
 Отдавший жизнь юноша,
 О ком теперь мне думать?
 Как лев погибший, юноша.
 (Лезги халкъдин манияр, 1990. С. 73–74).

В преданиях, многие из которых дошли до наших дней, рассказывается о жестокости ханов, беков, сельских общин, о народных героях, защищающих интересы простых людей. Так, в Курахском районе, где живут лезгины и частично агульцы, пожилые люди рассказывают легенду о борьбе юноши – героя с деспотической властью Мурсал-хана курахского и о том, как хан расправился с непокорным. События в этом сказании разворачиваются точно так же, как в аварской и даргинской песнях о Хочбаре: костер, песня и танец героя, ханские дети, гибель героя и ханских детей (Литература народов Дагестана. 1966. С. 60).

Основной пласт народной поэзии лезгин и в наше время составляют песни (манияр, бендер), которые классифицируются по тематике: любовной, семейно-бытовой, трудовой и т.д., которые, как отмечает А.М. Ганиева, «... отличаются специфическими, довольно ярко выраженными признаками: стабильной формой (четверостишие), поэтикой, отличающейся новаторским характером, быстрым откликом на современность, схемой рифмовки..., музыкальными особенностями и т.д.» (Ганиева А.М., 2004. С. 69–70).

Поэтика лирических песен у лезгин богата и разнообразна. В них отражаются основные социальные мотивы, боль и надежды народа, его протест против несправедливости (Лезгийрин фольклор, 1941; Далгат Б., 1962. С.46–47; Абакарова Ф.З., 1979. С.93; Ганиева А.М., 2004. С.69–101 и др.).

Многие традиционные песни трансформировались, утратили некоторые образы, приобрели новый смысл, новое содержание. Например, излюбленная тема традиционных лезгинских песен – это выдача девушки за нелюбимого:

Ирид багъдиз яд гузава
Са къзилгуьл цуьк паталди
ДакІан вакІаз чун гузава
Вад виш манат пул паталди

Поливают семь садов
Из-за одной золотой розы.
Нас отдают за нелюбимого
Из-за пятисот рублей.

Вот как изменилось содержание этой песни в дни Великой Отечественной войны:

Ирид багъдиз яд гузава
Са гуьл хьун паталди
Чан гуьруьтмиш ийида за
Дяведавай вун паталди

Поливают семь садов
Из-за одной розы.
Я свою жизнь отдам
За тебя, находящегося на войне.
(Ганиева А.М., 1983. С. 93–94).

Через многие песни проходит тема труда. Так, в песнях, исполняемых в процессе ткания ковра, лезгинские девушки чаще всего поют о своем возлюбленном.

Чун гамуних ацукъайла
Экв аватай акъа пенжер
Вуж ятІа акваз килигайла
Заз хъуьрена катран вилер

Когда мы сели за тканье ковра,
Открыв окно, чтобы падал свет,
Когда взглянула в окно,
Мне улыбнулись соколиные глаза.

Яр ви кІвализ за храда
Вад юкІ алай зар халича
Ви дердина зун къейитІа
Зар булахдин яд илича

Милый, для твоей комнаты
Золотой ковер сотку.
Если от любви к тебе сгорю,
Из родника меня облей живой водой.
(Ганиева А.М., 2004. С. 71–72).

Значительный пласт лирических песен составляют песни об отходничестве. Как известно, лезгины, как и другие народы Дагестана, из-за нехватки пахотных земель, отсутствия сфер приложения рабочей силы и ряда других причин, в поисках заработка ежегодно уходили в промышленно развитые города, особенно в Ба-

ку. Это историческое и социальное явление находит широкий отклик в народном фольклоре лезгин.

В широко распространенной среди лезгин вплоть до наших дней песне «Дурнаяр» («Журавли») поется о том, что родители девушки, не дождавшись ее жениха, ушедшего на заработки, выдают ее за более обеспеченного человека. Девушка обращается к журавлям, чтобы они сообщили об этом ее возлюбленному:

Я гвавадай физвай дурна
Зун туна къфизвай дурна
Алад бахтлу хъуй куь сефер
Мус хкведа куьн элквена?

О, журавли, летящие в небе,
Оставляющие меня, журавли,
Улетайте, пусть будет счастливым ваш путь,
Когда вернетесь вы обратно.

Зи яр гала Шеки патахъ
Куьне адаз саламар твах
Туна гъиле авай кIавалах
Фад хутурай хуьруьз, дурна

Мой возлюбленный в стороне Шеки,
Отнесите ему привет.
Оставив работу,
Пусть спешит домой, журавли.

Аманат я зи гафар ваз
Къваз тавуна хтуруай фад
Гужуналди зун масадиз
Гузава лагъ гъуьлуьз, дурна

Поручаю вам свои слова:
Пусть не остается, спешит домой,
Насильно за другого
Отдают меня, скажите, журавли.

Тоской и отчаянием пронизаны строки другой песни:

Къилел алай шал чихена
Къакъан къавал акIайна за
Яр фейи пад чир тахъайла
Ничхирди хъиз гъарайна за

Постирав платок,
На высокой крыше повесила я.
Не зная, куда ушел любимый,
Как волчица закричала (завыла) я.
(Записано у Везирхановой М.Ш. в 1980 г.).

Наиболее явственно произведения устного народного творчества в наше время прослеживаются в обрядовой практике лезгин, особенно в песнях, связанных с семейным бытом, в частности со свадьбой и похоронами.

Так, в лезгинской свадебной прощальной песне подружки невесты успокаивают ее тем что всех ждет подобная участь:

Къавал чими рагъ ала
 Рушан вилел нагъв ала.
 Шемир, шемир, чан
 Таза жейран, ханум
 Виридан кылел къвер
 Къаза я, чан ханум

На крыше – горячее солнце,
 На глазах невесты – горячие слезы.
 Не плачь, не плачь, милая.
 Как молодой джейран, ханум
 Всех постигнет.
 Это беда, душечка ханум.
 (Халилов Х.М., 2004. С. 96).

Своеобразным жанром свадебной поэзии остается жанр шуточных песен. Они большей частью обращены к девушке (молодой женщине), сопровождавшей невесту из родительского дома в дом жениха – енге, нииб.

Так, в песнях лезгин, обращенных к подружке (енге, нииб), всегда воспеваются ее отрицательный облик. Какими бы достоинствами ни обладала спутница невесты, она не избегает насмешек: она и толста, и прожорлива, и клыкаста и пр.:

Цавай маргъар эвисда
 Енгед сарар экъисда
 Ленгердавай аш аку
 Енгедик квай каш аку
 Ленгердавай пакун тІвал
 Енгедиз гуй рикІин тІал
 Ленгердавай иситІа
 Енгедин сив ицитІа.

С неба дождь льет.
 У енге оскалены зубы.
 На плов в подносе смотрите –
 Как прожорлива енге.
 В подносе ребрышко –
 Пусть у енге заболит сердце.
 В подносе халва –
 Пусть у енге не откроется рот.
 (Лезгийрин фольклор, 1941. С. 27)

Следует отметить, что в наши дни эти песни в ходе свадьбы, особенно в городской среде, исполняются редко, что значительно обедняет обряды, лишает их яркости, эмоциональности, национального колорита.

Похоронные песни-плачи, как и весь цикл похоронно-погребальной обрядности, оказались наиболее устойчивыми и донесли и до нашего времени значительный фольклорный материал. Поэзия скорби известна всем народам с древнейших времен. В ряде литературных источников древности сохранились описания обрядов и образцы плачей. Например, в древневосточном эпосе о Гильгамеше, созданном в III тысячелетии до н.э., оплакивают покойника и женщины рвут на себе волосы (По: Халилов Х.М., 2004. С. 132). Плутарх передал причитание египетской царицы Клеопатры перед гробницей Антония. В известной поэме Гомера «Илиа-

да» можно встретить образцы плачей по умершему: плач вдовы Гектора – Андромахи, матери Гектора – Гекубы, Брисенды по Патроклу. Эта же поэма свидетельствует о существовании специальных плакальщиц и плакальщиков. В «Илиаде» они названы греческим термином, который в буквальном переводе означает «возбудитель плача» (По: *Халилов Х.М.*, 2004. С. 132).

Магическая функция причитаний состоит в том, чтобы расположить покойника к себе слезами, создать ему благоприятную обстановку на том свете. Плачи тесным образом связаны с древним культом предков, когда загробная жизнь мыслилась как вполне реальная, а покойник – силой, способной оказать влияние на судьбы живых сородичей.

В плачах-причитаниях лезгин, как и у всех народов, выражается скорбь по умершему, по осиротевшим детям, матери, жене, сестре и др. Плакальщицы обращаются к покойному от имени близких родственников, говорят об их горе и страданиях.

Хотя для песен-плачей и существует определенная схема построения, установленная традиция использования изобразительно-выразительных средств, плакальщицы в наше время часто импровизируют в зависимости от возраста умершего, реальных обстоятельств его смерти. В жанр причитаний вносятся элементы нового быта, новая лексика. Так, бытовые несчастья, такие как смерть от пожара, автокатастрофа, удара электрического тока и т.д., вызвали к жизни новые плачи, которые вплетаются в традиционные выражением конкретных, реальных причин смерти, усиливая их эмоциональную тональность.

Характерной особенностью плачей у всех народов, в том числе и лезгин, является то, что покойник наделяется всевозможными положительными чертами и достоинствами. Он и самый мужественный, и самый красивый, и самый добрый и т.д.

Еще в середине XIX в. П.К. Услар писал: «Похоронные плачи на целом Кавказе представляют общий характер. Смерть всегда упрекается в том, что она прервала самую великолепную и благополучную жизнь, хотя в действительности эта жизнь была преисполнена горя» (*Услар П.К.*, 1868. С. 110).

В лезгинском плаче умерший описывается так: «Он так огромен и силен, что шаги его сотрясают землю, богатырский конь смиряется под ним, от крика его вздрагивают горы» (*Вагабова Ф.И.*, 1970. С. 57).

Лирические произведения элегического характера, отличающиеся от надгробных плачей более пространством художественным контекстом, бытовавшие среди лезгин в военные и послевоенные годы, посвящены погибшим героям:

Еке къастар аваз рикЕ
Вилик – вилик фейи стха
Ватан патал эцигна чан
КичЕ тушиз къейи стха

Большие мечты были у тебя.
Вперед ты шел, брат.
За Родину ты жизнь отдал,
Без страха погибший брат.
(*Ганиева А.М.*, 1983. С.84)

Наиболее древний жанр песенного фольклора лезгин – это календарно-обрядовые песни, возникшие на основе аграрного культа.

Одним из распространенных в прошлом обрядов у лезгин были обряды вызова дождя и солнца («Пеш апай» и «Гуьнуь»). Основное место в них отводилось хоровым песням-заклинаниям, исполняемым детьми обоего пола (текст песни-заклинания см.: Лезги халкъдин манияр, 1990. С. 8).

В наше время обряды, в которых заключена вера в магическую силу природных явлений, проводятся исключительно редко, они утратили былую функцию и превратились в детские забавы, часто сохранив в своем содержании элементы традиционного быта.

Определенное место в фольклоре лезгин и в наше время занимают сказки.

Следует отметить, что в наши дни, с массовым распространением средств коммуникации (радио, телевидения, компьютеров, сотовой связи и т.д.), интерес к сказкам в некоторой степени ослабевает, хотя они и не ушли из быта народа. И теперь народные сказки входят в учебные программы по литературе, и в наши дни дети просят взрослых рассказать им сказки.

В сказках лезгин, как и других народов, доминирует вымысел, воплощены чаяния народа о добре и справедливости.

Сказки лезгин делятся на три основные группы: волшебные, сказки о животных и бытовые.

В волшебных сказках герои подвергаются разным испытаниям, выполняют трудные задачи, побеждают дэвов, злых духов и злых людей.

В преобладающем большинстве случаев финал таких сказок счастливый, ибо в судьбы героев вмешиваются чудесные силы в лице добрых волшебников или сильных людей, которые помогают обиженным и обездоленным (См.: «Лезги халкъдин махар», 1959; «Сказки народов Дагестана», 1965; «Жанры фольклора народов Дагестана», 1979 и др.).

В бытовых сказках повествуется об обыденных событиях жизни. Персонажи этих сказок обычно типизированы – это, как правило, богач или царь с одной стороны и бедняк – с другой. В силу счастливых обстоятельств повышается социальный статус бедняка – он становится богатым, почитаемым человеком, что в народном представлении связывается с торжеством добра и справедливости.

Значительное место в устном народном творчестве лезгин и в наше время занимают пословицы и поговорки – афористически сжатые изречения с поучительным смыслом, основанным на жизненном опыте или каких-то правилах общественного быта.

Лезгинские пословицы и поговорки собраны и систематизированы рядом исследователей дагестанского фольклора; многие из них опубликованы в центральных и местных издательствах (См.: Лезгийрин мисалар ва мискIалар, 1961; Лезгийрин фольклор, 1941; Ганиева А.М., 2004. С. 219–233 и др.). Поэтому мы ограничимся привлечением некоторых из них, наиболее бытующих и в наше время:

«Ламрал пуарар эцигнал, адакай шив жедач» («Оттого, что наденешь на осла седло, он не становится конем»);

«Кьил цававаз фейдан, кIвач кьванцихъ галукъда» («Кто ходит с задранной головой, споткнется о камень»);

«Вуч цайитIа, гьам экъечIда» («Что посеешь, то и пожнешь»);

«Вичи атIай фуруниз, вич аватда» («Кто роет могилу другому, сам туда попадет»);

«Азаб такурдаз, регьятвилин къадир чир жедач» («Кто не видел трудностей, не оценит хорошее»);

«Са гъиле кьве кьарпуз кьаз кІан жемир» («Не пытайся в одной руке удержать два арбуза»);

«Угъри вичин мисел рекьидач» («Вор в своей постели не умрет»);

«Кесиб фей гьамамдиз кьур акьатда» («Даже баня, куда пошел бедняк, высохнет»);

«Балугъ кандайда, тум вацук кутада» («Кто хочет рыбу, тот намочит хвост в реке»).

Определенное место в быту лезгин и в наше время занимают загадки, хотя и нужно отметить, что на современном этапе они почти целиком ушли из мира взрослых в мир детской духовной жизни. В прошлом загадки особой популярностью пользовались среди женщин. По свидетельству исследователя табасаранского фольклора М.М. Гасанова, еще в 70-е гг. XX в. у лезгин, табасаранцев, даргинцев, аварцев пожилые женщины собирались на специальные вечера загадок. На одном из таких вечеров, по его словам, он записал более двадцати загадок у пожилой женщины Фатмаханум Азизбековой из селения Хурик Табасаранского района (*Гасанов М.М.*, 1971. С. 51).

Наблюдения над современным бытованием загадки дают возможность прийти к выводу, что она имеет не только развлекательное, но и серьезное общеобразовательное значение. Вот почему она применяется в школьной практике. Необходимость использования загадки в практической деятельности педагога была со всей силой подчеркнута одним из выдающихся русских педагогов – К.Д. Ушинским. Он считал, что «... живописная и интересная для него (ребенка. – Авт.) загадка заляжет прочно в его памяти, увлекая с собой и все объяснения, к ней привязанные. Какая живая и полезная беседа может быть закреплена в душе дитяти... живописной загадкой» (*Ушинской К.Д.*, 1954. С. 569).

Одна из характерных особенностей загадки – это предметность, которая выступает в загадках явлениями природы, процессами сельскохозяйственного производства и народного быта. Значительный пласт загадок связан с комической темой, человеком и животными.

И в наши дни среди лезгин, особенно детей, достаточно широко бытуют загадки:

Имуча-муча
Муч халича
Дагъдин кукІал
Къизил хунча

Что это?
Над горой
Золотой поднос. (Солнце).

«Са чубанди агъзур хеб хуъзва» – («Один пастух стережет тысячи овец») – луна со звездами.

«Я гъилер квач, я кІвачер, вичи агъайда ракІар» («Ни рук нет, ни ног нет, но открывает дверь») – ветер.

Среди жанров устного народного творчества немаловажное место занимают сатира и юмор. Хотя в них отражены прошлые жизнь и быт, надежды и стремления народа, многие из них не утратили своей актуальности и в наше время. Они близки и созвучны этическим взглядам и требованиям современности. В этом и заключается их немеркнущая художественная ценность.

Возьмем, к примеру, сатирический рассказ «Алверчидин хабар» («Сказка о торговце»), в котором повествуется о злключениях богатого торговца, который потерял все свои богатства из-за друзей, которые день и ночь пировали за его счет, льстили ему, одобряли каждое его слово, даже когда он был неправ. Когда торговец потерял все, впал в бедность, все так называемые «друзья» отвернулись от него. Со временем он наладил свои дела и снова вошел в силу. История повторяется – снова его окружают «друзья», они ему льстят, угрожают, и он возвращается на пройденный путь. Разве этот и подобные ему сатирические рассказы, такие как «Гьамбал» («Носильщик»), «Шкьякь Пирим» («Скупой Пирим»), «Са кесиб касдикай» («Об одном бедняке»), «Пачагь кьабулай кесибди» («О бедняке, принявшем шаха») и др. (См.: Сатира и юмор народов Дагестана, 1976. С. 306–312, 275 и др.), не актуальны в наше время, когда люди без моральных устоев льстят и преклоняются перед властью имущими, не боятся поступиться истиной в личных интересах, идут на все, вплоть до преступления, ради наживы и личного обогащения?

Традиционный фольклор лезгин оказал и оказывает огромное влияние на их современную поэзию и литературу. Анализ произведений современных поэтов и писателей показывает, что во многих из них, как и в традиционном фольклоре, воплощены и народная мудрость, и назидание, и юмор. Современная поэзия лезгин – это яркий пример историко-генетического сходства сюжетов, мотивов, образов героев, поэтических приемов и, даже – отдельных деталей и однородных словесных формул. Наряду с освоением новых классических конструкций, современные поэты пытаются сохранить, сберечь все то, чем была богата исконная поэзия народа. Пестуя традиционное искусство слова, его творцы остаются верны тому, что было выношено их предшественниками.

В то же время современная поэзия и литература характеризуется появлением новых образов, новых отношений, навеянных временем. Наилучшим образом это прослеживается в тематике, посвященной революции и партии, Ленину, Сталину, тематике, характерной для всей литературы первых лет советской власти.

Теме революционной борьбы, общечеловеческой борьбы за мир, строительства нового социалистического общества, преобразований в культуре и быте народа, единства и братства народов земли, посвящено творчество талантливейшего поэта XX в. Сулеймана Стальского. Изобразительно-выразительные средства языка С. Стальского, сохраняя преемственность с традиционной национальной (лезгинской и, шире – восточной) поэтикой, стали новым явлением в национальной поэтической культуре лезгин (*Сулейман Стальский*, 1948; *Кельбеханов Р.*, 1970).

Заметный след в истории духовной культуры лезгин оставил талантливый поэт современности Тагир Хурюгский, творчество которого отличается многообразием тематики. В его произведениях наряду с традиционными читатель может видеть созвучные времени, волнующие их темы (*Алимов А.*, *Алимов М.*, 2004).

Идейно-художественные искания во всем их объеме, во всей совокупности, из многих позитивных сторон которых складывается нравственное кредо современника, представлены в лучших стихах лезгинских поэтов – А. Саидова, Б. Салимова, Ш.-Э. Мурадова, А. Алема, Х. Хаметовой, К. Мусаева, И. Гусейнова, Д. Абдуллаева (Подробно об этом см.: *Темирханова Г.*, 1988; *Гашарова Г.Г.*, 1988).

Послеоктябрьский период знаменуется зарождением и развитием профессиональной литературы лезгин.

Появление прозы и драматургии обусловлено национальными традициями, с одной стороны, и влиянием более развитых эстетических систем, прежде всего русской литературы, – с другой.

Современные лезгинские писатели (Я. Яралиев, К. Меджидов, А. Агаев и др.) в своих произведениях обращаются к жизни современного села, отмечают новое в психологии человека, рождающееся под воздействием новых социально-экономических и политических условий.

Заключая изложенное отметим, что жанры лезгинского фольклора на современном этапе обнаруживают разную степень бытования: одни из них постепенно отмирают (например, некоторые песни-заклинания, сопровождающие обряды вызова дождя и солнца, песни свадебного цикла), другие (песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки, песни-плачи и др.), в известной мере видоизменяясь, широко бытуют и в наши дни.

Исследование произведений современных поэтов и писателей обнаруживает гармоничное сочетание в них традиционных сюжетов и форм с профессиональными, связанными с новым временем и новым мировоззрением народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакарова Ф.З.*, 1979. Дагестанская детская игровая поэзия // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала.
- Агаев А.*, 1969. Лезгинская литература. Махачкала.
- Ахед Агаев* в науке и критике. Отзывы, статьи, рецензии. 2002. Махачкала.
- Алимов А., Алимов М.*, 2004. Тагир Хурюгский. Дагестан. Время. Судьбы. Махачкала.
- Вагабов И.*, 1961. Лезгийрин мисалар ва мискIалар. Махачкала.
- Вагабова Ф.*, 1970. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала.
- Гаджибеков Г.А.*, 1934. Грамматика. Ч. I. Морфология. Учебник для средней школы. Махачкала.
- Гаджибеков Г.А.*, 1935. Хрестоматия по литературе для начальной школы. Ч.II. Махачкала.
- Гаджибеков Г.А.*, 1937. Хрестоматия по литературе для начальной школы. Махачкала.
- Гамзатов Г.Г.*, 1982. Художественное наследие и современность. Махачкала.
- Ганиева А.М.*, 1983. Бытование лезгинских народных песен в современный период // Современный фольклор народов Дагестана. Махачкала.
- Ганиева А.М.*, 1986. В поисках легендарного героя. Махачкала.
- Ганиева А.М.*, 2004. Очерки устно-поэтического творчества лезгин. М.
- Гасанов М.М.*, 1971. Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки. Махачкала.
- Гаширов Г.Г.*, 1976. Лезгинская ашугская поэзия. Махачкала.
- Гаширов Г.Г.*, 1998. Лезгинская литература. История и современность. Махачкала.
- Далгат У.Б.*, 1962. Фольклор и литература народов Дагестана. М.
- Жанры фольклора народов Дагестана. 1979. Махачкала.
- Кельбеханов Р.*, 1970. Поэзия Стальского советского времени // Литературный Дагестан. Махачкала.
- Къагъриманвиллин манияр. 1973. Махачкала.
- Лезгийрин фольклор. 1941. Махачкала.
- Лезгийрин махар / Составитель Н. Ахмедов. 1959. Махачкала.
- Лезги халкъдин махар / Составитель А.М. Ганиева. 1985. Махачкала.
- Лезги халкъдин манияр. 1990. Махачкала.
- Литература народов Дагестана. Хрестоматия. 1966. Махачкала.
- Литературный Дагестан. 1970. Махачкала.
- Литературный Дагестан. 1975. Махачкала.

Назаревич А.Ф., 1949. Состояние собирательной работы и задачи изучения устного поэтического творчества народов Дагестана // Труды второй научной сессии. 7–12 февраля 1949 г. Махачкала.

Назаревич А.Ф., 1958. Отобранное по крупницам: из дагестанской коллекции пословиц и поговорок. Махачкала.

Назаревич А.Ф., 1962. В мире горской народной сказки. Махачкала.

Назаревич А.Ф., 1975. Сказочные самоцветы Дагестана. Махачкала.

Полевой материал, записанный в 1980 г. в сел. Усухчай Докузпаринского района у Везирхановой М.Ш. (1910 г.р).

Сатира и юмор народов Дагестана. 1976. Махачкала.

Сказки народов Дагестана. 1965. Махачкала.

Султанов Б. Кюринские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. XIV, Тифлис, 1892.

Сулейман Стальский, 1948. М.

Темирханова Г., 1988. Современная лезгинская поэзия. Махачкала.

Традиционный фольклор народов Дагестана / Отв.ред. Г.Г. Гамзатов. М. 1991.

Услар П.К., 1868. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. I. Тифлис.

Услар П.К., 1881. Древнейшие сказания о Кавказе // Собрание сочинений. Т.4. Тифлис.

Услар П.К., 1896. Этнография Кавказа: Языкознание. Т. VI. Тифлис.

Ушинский К.Д., 1954. Избранные педагогические сочинения. Т. II. М.

Халилов Х.М., 2004. Лирика народов Дагестана: взаимосвязи, типология и этническая специфика. Махачкала.

Яралиев Я., 1974. «Птичий родник». «Три притчи». «Мулла, обогативший Коран» // Советский писатель. М.